

# ТАЙНОПИСЬ



**Юрий Иванов:**  
"Художник  
книги – это  
лицедей,  
который  
играет свою  
партию  
параллельно  
с автором".

Какие чувства вы испытываете, подходя к книжным лоткам? Крикливые, размалёванные обложки, как девицы лёгкого поведения, словно заывают: "Возьми меня!" А брать их в руки как раз и не хочется. О благоговейном трепете перед книгой говорить и вовсе не приходится.

Что происходит с книжной графикой сейчас, какими особенными качествами должен обладать художник книги? С этими вопросами наш обозреватель Марина КУЗНЕЦОВА обратилась к заслуженному художнику России, доценту Института имени Сурикова Юрию Иванову.

– Юрий Валентинович, вы оформили более 300 книг: Пушкина, Лермонтова, Дюма, Шарля де Костера, Пришвина, исторические романы... Но, как я понимаю, ваше сердце отдано классике...

– Чаще меня использовали как специалиста по послевоенному детству. Детишек рисовать довольно сложно. Огромное количество книг сделал в Детгизе. Что касается XIX века... Душа к нему лежит, и всё. В детстве я долго не мог научиться читать, был туповат. А мы с папой, лейтенантом, жили в солдатской казарме. Уходя из дома, родители запирали меня на ключ. Сидя на горшке, от скуки я стал читать Александра Сергеевича Пушкина. Прочитал! "Сказку о царе Салтане". Переростком, можно сказать, уже был – шесть лет исполнилось.

– Научиться читать в шесть лет – нормально.

– Во всяком случае, из первого класса меня выгнали за неуспеваемость. И шпаной был редкой, как почти все мальчишки в послевоенное время. Способность к рисованию определилась благодаря маме. И соседке Тане. В нашей коммунальной квартире жило семей пять. У соседей Кузнецовых была дочка. Таня болела чахоткой и всё время лежала. Она собирала репродукции из "Огонька", тогда они ещё чёрно-белые были. Я любил к ней ходить, рассматривал эти картинки. Таня подарила мне часть своего собрания. И вскоре умерла...

– Ну вы же не на Дальнем Востоке жили, в Москве. Пушкинский музей и Третьяковка – не за тысячу вёрст.

– Третьяковка в моей жизни появилась



Н. Макиавелли. «Юсударь».

позже. Когда мама сводила меня в галерею и я увидел "Поле после побоища Игоря Святославовича с половцами", то, придя домой, тут же стал по памяти картину рисовать. И ещё "Трёх богатырей". А когда увидел у родственников портсигар с изображением этих самых богатырей на крышке, то спёр его, за что был выпорот отцом. Ни за что бы мне художником не стать, если бы он меня не учил. В 1952 году я успешно поступил в Московскую среднюю художественную школу, из которой меня тоже едва не выгнали, уж и не знаю, за неспособность или лень. У нас преподавала ученица Серова. Она исповедовала благородную сдержанность: ставила чашку голубую или яблочко

на такую ровную тряпочку и задавала их рисовать. Это было, как я сейчас понимаю, очень красиво, но скучно до невозможности. Поэтому ничего у меня не выходило, и тогда стали родителей вызывать. Родитель пришёл, послушал и...

– ...выпорол?

– Нет, не выпорол. Положил передо мной спичечный коробок и заставил в точности его воспроизвести со всеми надписями: "Фабрика "Гигант", "Количество 100 штук"... Вскоре я заболел и полгода пролежал в больнице, где уже без всякой опеки рисовал картинки к сказкам.

– Сами читали или, может, у вас своя Арина Родионовна была?

– Сам. Бабушка мне тоже сказки рассказывала – про Золушку и про "мирное время", которое, по её понятиям, закончилось в 17-м году. А после больницы на следующий год я попал в другой класс, к Ашоту Григорьевичу Сукиасяну. Какие натюрморты он задавал! Расписная ваза на парче, чучело фазана! Роскошь, которая меня сразила. И как-то у меня дело пошло, стал я нормально учиться, пятёрки получать.

– Когда пишут об экранизации литературных произведений, иллюстрация – всегда слово ругательное. А художники этого слова отчего-то не боятся.

– Вы путаете два понятия: иллюстрацию и иллюстративность. Что такое иллюстрация? Это совершенно иная форма изложения идей писателя. Я не люблю "прямую" иллюстрацию, когда, если вы помните, под картинкой делали подписи вроде: "Миша открывает Пете дверь". На мой взгляд, художник книги – это актёр и режиссёр. Лицедей, который играет свою партию параллельно с автором. Для каждого писателя я пытаюсь выбрать манеру, гримируюсь, как актёр, стараюсь выглядеть другим человеком. И, конечно, надо много знать: историю костюма, мебели, какие причёски носили, из какой посуды ели... А то невзначай угодишь совсем в другую эпоху.

– У вас не возникают мистические отношения с писателями?

– Возникают. Особенно с умершими. Они в какой-то момент словно диктуют, как надо делать. Что-то или кто-то начинает водить твою руку. Однажды я делал книжку, для которой пришлось рисовать анчутков, домовых, водяных и прочую нечисть. И заметил: нарисую картинку – заболею, сделаю другую – снова болею. Поэтому, когда мне предложили иллюстрировать "Вечера на хуторе близ Диканьки" Гоголя, жена воспротивилась. Самое интересное, что в то же время Детгиз прекратил своё существование. Сейчас он потихоньку возрождается.

– Иллюстрация в годы застоя оказывалась для художников выходом, возможностью творить, минуя рогатки цензуры.

– Я нигде не уходил, я пришёл куда хотел. Мой приятель, например, никогда Ленина не рисовал. А я мог, потому что решал определённую пластическую задачу. Помню, мы делали афишу к 100-летию ленинскому юбилею, силуэт вождя в кепке, и нам в ЦК сказали, что всё хорошо, а вот кепку надо сделать почеловечнее. Мы вокруг козырька немножко белилами повозили, и нас похвалили, мол, теперь совсем другое дело. Я в своё время с друзьями получил вторую премию на всесоюзном конкурсе плакатов к 100-летию Ленина, но их не напечатали. Даже деньги заплатили, но Суслов зарубил всю серию за формалистический подход.

– Юрий Валентинович, знаю, что три года вы прожили на Святой земле...

– Никогда прежде пейзажи не рисовал, а в Израиле начал их писать. Испытывал ощущение сотворения мира, что оттуда всё пошло. Иногда во время работы – мурашки по телу. Вот рисуешь камень, и вдруг в нём начинаешь какие-то фигуры различать.